

ВЯЧЕСЛАВ ВОРОН

ЭТО,

**ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК НЕ БЫЛО,**

НО МОГЛО БЫ БЫТЬ

Вячеслав Ворон

Ёсь, или История о том, как не было, но могло бы быть

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6599120

Ворон, Вячеслав. Ёсь, или История о том, как не было, но могло бы

быть : Зебра; Москва; 2013

ISBN 978-5-905629-08-2

Аннотация

Действие романа происходит на рубеже XIX и XX вв. в некоей Стране Советов. Молодой грузинский вор Ёсиф Джугашвили, находясь в ссылке, знакомится с учительницей словесности Надеждой Пупской. Между ними возникает прочная любовная связь, и они решаются на побег. Благополучно, но не без приключений, им удается совершить задуманное, и Ёсиф с Надеждой на паровозе отправляются в столицу. По дороге они встречают долговязого бродягу – Джежинского, и уже вместе задумывают свергнуть существующий строй и освободить страждущий народ от несправедливого существования. Случайное знакомство со столичным подпольщиком Львом Троцкиным добавляет молодым революционерам уверенности. Заручившись поддержкой финансовых воротил страны, Надежда и товарищи проворачивают революцию без применения террора,

с помощью цветов, привезенных ими из заграничной поездки в Голландию. Царь Николай с семьей вынужден скрываться в Ё-бурге – провинциальном городке на Урале. Однако страну начинает лихорадить, и она погружается в братоубийственную войну...

Здесь есть убийства, интриги, драки и погони. Диалоги героев изобилуют сарказмом и юмором. А также некоторые индивиды наделены уникальными возможностями сверхчеловека: левитацией и гипнозом.

Содержание

Пролог	5
Стален в Мексике	8
Знакомство с Пупской	12
Побег из Шушенка	15
Стален в городе	24
Стален	27
Кукуруза	42
Знакомство с Джежинским	50
Первая встреча с Троцкиным	60
Троцкин	69
Один за всех, и все за одного	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Вячеслав Ворон

Ёсь, или История о том, как не было, но могло бы быть

Пролог

После Великой Октябрьской революции Надежда Константиновна Пупская, родовая дворянка из рода Пупских, дочь губернатора Тифлиса, становится единственным лидером вновь созданной республики – Страны Советов. Ближайшие соратники по борьбе за светлое будущее Ёсиф Стален и Фил Джежинский, представляющие высшее руководство партии, проводят среди контрреволюционеров просветительскую политику, направленную на укрепление завоеванной революции. Но не все идет гладко, и постепенно страна скатывается в вооруженное противостояние новых и старых. Новые не хотят жить по-старому, а старые не хотят по-новому. Понимая всю серьезность сложившегося конфликта, после бесполезных попыток примирить враждующее население и закончить тем самым братоубийственную войну, а также используя свое положение в партии, Надежда Константиновна издает Декрет о Мире во всем Мире. Суть которого сводилась к тезису о немедленном прекращении бо-

евых действий по всем фронтам, сложении оружия, всеобщем примирении и воссоединении братских и дружественных Стране Советов народов. В одночасье перед партией и ее высшим руководством встал вопрос о способах продвижения в народные массы светлого будущего. Для этого из партии было выделено два основных миротворца: Ёсиф Стален, министр иностранных дел, близкий друг и соратник Надежды Константиновны, ярый противник мирных революций, идеолог и основоположник террористического движения, и Фил Джежинский, министр экономики, член партии с самого ее основания, отец пятерых детей, видный общественный деятель, сподвижник марксизма-энгельсизма, председатель литературного сообщества «Лубянка-Андеграунд».

Во исполнение Декрета Ёсиф Стален был делегирован в Мексику для неформальной встречи с Львом Троцкиным, на тот момент проживавшим в изгнании. В его основную миссию входило: переманить Льва в прайд революционеров с целью привлечения последнего к борьбе с контрреволюцией. Используя ораторский талант Троцкина, партия надеялась убедить разрозненные массы Страны Советов сложить оружие и подчиниться Декрету пролетариата.

В Ё-бург, с дружественным визитом и правительственной петицией к царской семье, был отправлен Фил Джежинский. Надежда лично поручила Джежинскому провести агитационную политику среди детей Николая и через них заручиться поддержкой царя, дабы урезонить бандитов, подчиняющих-

ся только его указам.

Делегаты разъехались.

Стален в Мексике

Переплыв Атлантический океан на построенном на верфях Англии «Титанике»¹, Ёсиф Стален разместился в гостинице с названием, несвойственным для жарких стран, «Ледоруб». Ничего особенного для местных жителей эта гостиница не представляла, разве что при входе стояло двадцатиметровое изваяние в виде спиралевидного бура, вгрызавшегося своим концом в невыразительную массу не то льда, не то кучу дерьма. А на самом верху сией исполинской штукотины была водружена шляпа, кои в то время носило немало народу. Ёсиф подошел к окну и взглянул на улицу, взор его упал напрямиком на шляпу: окно номера отеля, в котором остановился Стален, смотрело строго на изваяние. «М-да, – подумал он, – что-то мне это напоминает, что-то такое близкое и родное, что-то из Страны Советов». Он почесал затылок и в свойственной ему величавой манере стал расхаживать по роскошному номеру, вымеряя шагами метры двухкомнатного съюта. Ровно в половине третьего пополудни зазвонил телефон.

– Здравствуй Ёсиф! – прозвучал нежный женский голос на том конце трубки. Ёсиф обладал абсолютным музыкаль-

---

¹ «Титаник»... Корабль-престиж, корабль-мечта, корабль-легенда... Символ эпохи – великолепный, роскошный трансатлантический лайнер, так и не завершивший свой первый и единственный переход через Атлантику.

ным слухом и без труда узнал свою собеседницу, это была Пупская.

– Здравствуй, мАя Надежда! – со свойственным ему южным акцентом ответил Стален.

– Как обстоят дела с моим поручением, все ли ты запомнил, что будешь говорить Льву? – спросила Надя.

– КанечнА, я скажу ему, что мы, ты и я, решили пАжениться и хАтим растить детей на благо революции и Мира во всем Мире, – ответил Ёсиф.

– Балда, при чем здесь пАжениться, как ты говоришь, и растить детей, еще и на благо революции. Для этого у нас есть Джежинский со своей пятерней. А твоя задача сейчас служить делу революции. И только ты можешь призвать Льва вернуться в Страну. Я знаю, что ты обладаешь гипнотическим действием и можешь производить неизгладимое впечатление на собеседника. Ёся, я тебя только об одном прошу, когда ты используешь свои чары, не отвлекайся на посторонние действия, а то получится, как в девятьсот пятом.

– А что в девятьсот пятом? – парировал Ёсиф.

– А в девятьсот пятом ты, дорогой мой Стален, засмотрелся на горного орла в горах Тифлиса в тот момент, когда царские казначеи практически добровольно пожертвовали большую часть сопровождаемой ими казны на нужды революции. И что из этого вышло, мне пересказывать тебе не надо.

– Да, но Арел птица свАбодная и красивая, а я тоже Арел. Вот я и загляделся на брата. Да и деньги мы же все равно

получили, хАтя и пришлось немного поГрячиться. Так сказать, распушить усы, – пробурчал в трубку Ёсиф.

– Усы он распушил. Ишь ты, важный какой, тараканище прям. Слава Ленину, что все тогда обошлось мирно, вовремя тебя в чувство привели соратники наши, выстрелив тебе в ногу, иначе не сидел бы ты сейчас в теплой Мексике, а хлебал бы баланду в царских «палатах» с видом на тайгу и окошком в клеточку.

– Ой, Надюха, не напоминай, я как вспомню, до сих пор нога ноет. Я как пулю-то получил в ногу, сразу сААбразил что-то со мной не так. Помню: больно было, но видя перед собой стройные ножки Фаннички, я бежал быстрее пули, забыв о боли, – выдохнул в трубку Ёсиф.

– Однако ты, Ёся, и кобель, у тебя пуля была в ноге, а ты за ножками Каплан устремился. Я, конечно, не ханжа, но смотри там, в Мексике, чтоб никакие ножки тебя не отвлекали от поставленной мною задачи. Троцкий должен быть наш и баста. Все, хватит попросту шелестеть, я все же по межгороду звоню, и на коммутаторе, уже, наверное, давно уши греют империалистические шпионы. Там в правом кармане гавайки² лежит пошаговая инструкция ведения переговоров со Львом. Будь осторожен, Ёся, если хочешь жениться. Все. Чао! – по-учительски отчеканила Пупская и повесила трубку.

Ёсиф в недоумении покрутил пипикающую трубку перед

---

² Гавайка – мужская рубашка навыпуск с пестрым, ярким рисунком.

глазами и резким движением водрузил ее на место. «Сцука, – подумал он, – я к ней со всей душой, а она, сухарь, все только о деле и своей революции. Училка, так и есть училка».

Знакомство с Пупской

Они познакомились в девятисотом в ссылке в Шушенке. Он отбывал наказание за украденный отрез шелка в китайском магазине Тифлиса, что находился на улице Бегларова, в старом доме № 18. Так, ничего особенного, проходил мимо, увидел в витрине яркий отрез ткани, зашел, помахал заточкой перед лицом китайской национальности, в те времена много торговцев из Китая открывали лавки и торговые ряды, и лицо китайской национальности без промедления решило отдать отрез. А в этот момент по улице проезжал кортеж с губернатором и его дочкой, и Ёся, будучи молодым и пылким, одним движением вскочил на подножку кареты и вручил дочери генерала только что украденный отрез. Это уже потом охранка скрутила его и отправила сначала в участок, потом в суд, ну а после – в ссылку с формулировкой о посягательстве на жизнь и достоинство дочери генералгубернатора Тифлиса. И приговорили молодого и отчаянного Ёсифа Джугашвили к двенадцати годкам. Так он и стал ссыльным каторжником в таежной деревушке Шушенк. Шли годы, и ничего в ссылке не менялось, Ёсиф вырослел, набирался криминального опыта от старших и, когда ему исполнилось двадцать четыре годка, снискал себе воровское уважение и авторитет отъявленного головореза, прирезав парочку таких же ссыльных, как сам, сбросив их в реку Шушь. Так

сказать, сделал дело, и концы в воду. Жизнь у ссыльных была достаточно вольная. Кто хотел, работал, строил дома для жандармов и их семей, кто рыбу ловил в реке, а кто и просто валял дурака и бил баклуши. Ёсиф целыми днями слонялся по Шушенку и высматривал, где бы чего притырить. Так, блуждая по ссылке без дела, он зашел в местный клуб, где был организован приход, и увидел ее – губернаторскую дочь. Он даже не сразу понял, кто перед ним. А перед ним была Надя, которую он видел в карете, в которую он был все это время влюблен. Это была та же девочка, что и шесть лет назад, дочь генерал-губернатора Тифлиса. Он смотрел на нее и не верил глазам своим. Те же глаза, только больше, те губы, только больше, те же груди, только больше, те же ноги и та же... только выше. Надя приехала в Шушенк после окончания Института благородных девиц учительствовать. Ей, молодой и красивой, надоела родительская опека и постоянный контроль генерала-папы. И после окончания института Надя взяла первую попавшуюся под руку газету, увидела в ней объявление о наборе учительского состава для осваиваемых земель Центральной Сибири и, ничего не сказав родителям, купила билет и рванула на первом же паровозе в неизвестность. Так Надежда Пупская оказалась в ссылке в деревушке Шушенк. По приезде она получила комнату в доме для молодых специалистов и работу учительницы русской словесности. Днем она учительствовала, вечерами читала или вышивала, а по воскресеньям ходила на службу, где пела в

хоре и послушно молилась, будучи набожной и благочестивой девушкой. Батюшка здешний, Володимир, был добр и учтив ко всем. И никогда не осведомлялся о происхождении своих прихожан. За что прихожане, а это были жители Шушенка и ссыльные, любили его и охотно шли на службу. Здесь Ёсиф и встретил Надю, зайдя к батюшке на исповедь. Здесь он признался ей в своей верности и преданности. Здесь он вместе с Надей замыслил побег.

Побег из Шушенка

Встретив Надю, Ёсиф стал все свободное время в ссылке проводить рядом с ней. А Надя старалась особо не нагружать себя учительскими обязанностями и тоже находила время почаще быть со своим Ёсей.

Шли дни, недели, месяцы, и любовники понимали, что им все больше и больше времени необходимо быть друг с другом. Так как Надя имела склонность к системному мышлению, она первая предложила Ёсифу то, что он давно не решался ей сообщить. В один из вечеров Надя, в очередной раз одернув зависшего Ёсю, временами столбневшего при виде женского тела или лодыжки, сказала:

– Послушай, милый, так не может продолжаться вечно, я в конце концов хочу иметь нормальную семью, воспитывать детей, а не тебя, и жить в столице.

– КАНешно, дАрАгая, я сАгласен, я тоже хАчу! – промямлил он.

– Надо что-то придумать, ну, например, побег из этого Шушенка, – подмигнув, она приподнялась на цыпочки, так, чтобы Ёсиф мог отчетливо разглядеть ее формы.

Глаза грузина, а Ёсиф был грузином, моментально налились багровыми реками, нижняя губа задвигалась в непровольной судороге, и на руках появилось статическое электричество, да такого потенциала, что волосы приняли верти-

кальное положение в пространстве.

– Я люблю тебя, Надя, я, как Арел, готов на все, что ты хочешь. Да я взорву весь этот ссылокА, и мы пАскачем на конях в стАлицу, – выпалил он.

– АхА-х! Да ты что, спятил, выбрось это из головы, у тебя и взрывчатки-то нет, и кони твои через тайгу не пройдут, и до стАлицы осемь тыщ верст, стАличный ты мой, – передразнила его Надя. – Здесь, недалеко от Шушенка, есть город Стален. Там железнодорожная станция Стален-Узловая. Ты, Ёсиф, в воскресенье, когда охранка на обеде и бдительность притуплена, возьмешь коня и прискачешь туда, благо кони у нас быстрые, да и Стален недалеко, верст так десять через тайгу. А я с утрачка пойду к бабушке Володимиру, помолиться Ленину, попросить у него благословения на дело наше верное.

– Вах, вах, вах, умный ты у меня, Надюха! – воскликнул Ёсиф.

– Умная, – поправила его Надежда. – И запомни, никому ни слова, что б ни одна живая душа не знала. Я после бабушки сяду на повозку, идущую в город, на привоз, там и встретимся. Одежу для тебя я сховала в денниках старой конюшни. Там и конь ретивый стоит. Все, иди и ничего не перепутай. Одежда и конь – в конюшне, а не у охранки. А то, я знаю тебя, зависнешь и начнешь тырить коней у жандармерии, а они тебя пострелять могут, и как тогда мне быть. Ты ж мне мил, Ёсик, – с нежностью добавила она.

Взгляд грузина притупился, и он остолбенел. Поняв это, Надежда пощелкала двумя пальцами перед глазами возлюбленного. Возлюбленный развис.

Настало воскресенье, и жандармы подняли весь лагерь спозаранку. Время, по закону подлости, еле двигалось вперед, и Ёсиф от скуки стал также медленно передвигаться по Шушенку. Сначала он пошел вдоль берега реки Шушь. Одинокие фигуры ссыльных восседали на пригорках, время от времени приподнимаясь и сгибаясь над рекой и дергая воткнутые в крутые берега удилица. Кому-то удавалось вытащить рыбу, и, когда это происходило, весь берег оглушал радостный вопль. Обогнув очередной пригорок, Ёсиф вышел на окраину Шушенка. Здесь еще полвека назад был выстроен не то терем, не то изба, но только очень больших размеров, которую после придания Шушенку статуса ссылки превратили в казармы для несемейных жандармов. У входа стоял служивый. Одевание его больше походило на цирковое, нежели военное. Шаровары явно на два размера превосходили положенное предназначение, были заправлены в сапоги. Последние, в свою очередь, забыли, когда были чищены и оттого походили на клоунские ботинки с приподнятыми носами. Грязь налипла аж до самого колена и имела наглость включать в себя часть навоза, прилипшего, видимо, в конюшне пару месяцев назад. Портки были подпоясаны бечевкой для подвязывания ведра от колодца, в них нелепо и со свойственным солдатским пренебрежением была заправ-

лена рубаха неизвестной цветовой гаммы, издалека напоминающая зеленый, в довершение на голове у служивого была водружена фуражка, прошедшая все стадии трансформации от абсолютно круглой до причудливо квадратной. В руках была винтовка со штыком, в коей только штык и был настоящим, а остальная часть ружья была умело выстругана из сосны ссыльными и раскрашена под настоящую. На вид это был молодой рекрут, с опечаленным взглядом, говорящим, что служить ему еще лет так двадцать, двадцать два.

Ёсиф подошел к солдатику и спросил, что-то о времени.

– Не положено, – басом ответил молодой жандарм.

– Что не положено? – переспросил грузин.

– Не положено с ссыльными разговаривать, а посему проходите на задерживайтесь.

– А ты кАгда отвечаешь «не положено», ты со мной рАзгАвариваеШ, или это не ты? – вопросительно произнес Ёсиф.

– Не положено, – басил солдат.

– Вот ты клоун, заладил свое не положено, кто там знает, что положено, а что не положено, – он пальцем указал на терем.

В это время в окошке терема показалась рыжая копна волос, и следом появилось пухлое женское личико с огромными, как у коровы, глазами. Она игриво улыбнулась, и ее пухлые губки послали Ёсе поцелуй. Ёся машинально выхватил у солдата винтовку и в два приема поразил его шты-

ком в грудь. Жандарм пошатнулся, присел на одно колено и упал замертво. Рыжеволосая заорала. Да так, что все макушки елей зазвенели эхом, разлетаясь по округе. Ее крик был настолько громким, что бить в набат означало бы хлопнуть по плечу товарища. Моментально, как по команде, на улицу стали выбегать офицеры и солдаты разных званий, по ходу действия подпоясываясь портупелями, за ними выскакивали с криками полусонные девки. Это породило еще больше суеты и сумятицы. Ёся завис и стоял в полном недоумении, и эти минуты длились вечность. И лишь когда он услышал выстрелы и свистящие у уха пули, развис и понял, что в очередной раз попал впросак. Времени на раздумье не оставалось, и Ёсиф стремглав рванул в густую чащу тайги. Прорезая, как секач, собой просеку, он бежал что было силы, вгрызаясь вглубь неизвестной ему тайги. Бежал, расцарапывая кожу на щеках, бежал, разрывая в лохмотья робу. Бежал, бежал, не оглядываясь и не сворачивая с верного пути. Сколько он бежал, он и сам не знал. Остановился, только когда выдохся совсем и когда тело стали пронзать тысячи мелких иголочек, заставляющих его дрожать в судорожном издыхании. Отдышавшись и оглядевшись вокруг, он вдруг ясно стал осознавать, что убежал так далеко вглубь тайги, что не то что жандармы, а даже волки серые не заходят столь далеко. И он завыл, завыл, как воют волки на луну, протяжно и стройно, слух у него был абсолютным, и это только помогало ему. Вдобавок он стал мотать головой, вверх, вниз,

влево, вправо. Это походило на ритуал, подвластный пониманию только воспаленному мозгу беглого ссыльного. Темп постепенно нарастал, и Ёся не заметил, как его глаза, упершись в одну точку, вдруг стали различать на пеньке, сначала размыто, а потом все отчетливее и отчетливее, силуэт. Он остановился, перестал выть и закрыл глаза. Открыв их, Ёсиф четко разглядел на пеньке силуэт, сидящий в позе роденовского мыслителя. Он упал на колени и вознес руки к нему.

– Слава тебе, Слава. Слава Ленину, Слава. Не зря моя Надюха пошла к бабушке Володимиру, услышал увещевания, и явился ты мне. Прости меня, Ленин, прости. Грешен я, грешен. Живу с Надюхой не в браке, солдатика вот давеча убил, – он вдруг поймал себя на мысли, что говорит без акцента, на чистом славянском языке. – О, чудо. Я верю. Верю, ты есть, – залепетал Ёсиф. – Скажи мне, Ленин, а смогу ли я выбраться из тайги непроходимой. Смогу ли я снова обнимать мою Надюху, смогу ли я закурить махорочки? Прости меня грешного, еже ли чё не так.

– Не ропчи, не суетись, – привставая, громогласно произнес Ленин. – Знаю я все твои грехи, знаю я всю твою ничемную жизнь. Ты, Ёсиф, еще молод и многое не понимаешь, Что, Где и Как?

Он и в самом деле ничего не понял из последнего. Однако сделал вид, что понял. Ленин продолжал:

– Так вот, сын мой, дам я тебе один шанс, потому как рано тебе еще. Великие дела тебя ждут с Надеждой. Великие

свершения. И ты будешь во главе этих дел. Ты будешь править сам своей судьбой. Но помни, когда я второй раз явлюсь тебе, шанс этот я у тебя отберу, и тогда, волки таежные начнут грызть тебя, рвать на части и растаскивать на куски по всей тайге. Если в тайге будет суждено свидеться снова.

Ленин выпрямился во весь свой могучий рост. И Ёсиф увидел мощь и величие фигуры его. Это был исполин, Титан, гигант, высотой не меньше шести саженей ввысь и двух – в плечах. В одной руке он сжимал вещь, напоминающую Ёсе отрез, украденный им у лица китайской национальности, вторая же находилась в кармане пальто.

– Скажи мне, отец мой, Что мне делать, Как мне быть и Где мне найти тропу, чтобы выйти из дремучего леса. Кто мне поможет? – еще несколько мгновений назад Ёсифу казалось, что он не понимает сказанные слова Ленина, а сейчас он сам глаголил ими.

Ленин посмотрел сверху вниз на молодую шевелюру парубка, по-отечески погладил его свободной рукой по голове и молча, этой же рукой, указал направление, выбросив ее перед собой. Так он и застыл, в молчаливом изваянии в одной руке сжимая отрез, а другой указывая путь заблудшему путнику. Ёсиф постоял в оцепенении еще какое-то время, и только стук дятла привел в сознание грузина. Он гордо скинул взгляд на руку Ленина и побрел в направлении указующего перста. Не пройдя и версты, Ёсиф вышел на неизвестную ему дорогу, которая изгибаясь продолжала проло-

женный Лениным путь. Время шло к полудню, солнце стояло практически в зените. Жутко хотелось испить воды и искупаться в Шуше. Он шел, не чувствуя ног под собой. Земля плыла перед глазами повесы. Изнемогая, Ёсиф присел на обочине и посмотрел на солнце.

– О, Ленин, скажи мне, что дальше... – не договорив начатой фразы, он вдруг заметил на горизонте подводу с людьми. – Спасибо, спаситель! – поблагодарил Ленина Ёся и побежал навстречу повозке, открыв в себе второе дыхание. Уже в ближайшем приближении он увидел на подводе Надю и парочку знакомых лиц из Шушенка. От радости Ёсиф стал размахивать руками и топтать ногами. Он радовался, как ребенок – новой коняшке, выструганной из соснового обрубка ссыльным и отданной за крынку свежего молока его молодой мамке-доярке.

– Ёсиф! – закричала Надежда, подъезжая к нему все ближе. – Ты что там натворил, весь Шушенк подняли по тревоге, тебя ищут. Всю тайгу выворачивают наизнанку. Как ты здесь оказался, это же невозможно, это совсем другая сторона, эдак верст пять от тайги, – развела руками Надежда.

– И невозможное возможно, – на чисто славянском ответил он. – Я тебе по дороге такое расскажу, ты не поверишь.

Ёсиф заправски запрыгнул на подводу, подмигнув вознице и присвистнув крикнул:

– А ну пошла, кляча старая, вези нас в светлое будущее с моей Надей. Но-о-о!

Надя в недоумении посмотрела на славяноговорящего грузина и, тоже присвистнув, прокричала: «Но-о-о».

Стален в городе

Еще раз, подойдя к окну своего номера, Стален взглянул на изваяние. «Что-то мне это напоминает, – снова подумал он. – Все это достаточно символично выглядит, что же это такое?» Сказать, что его это беспокоило, значит, ничего не сказать. Стален, обладая от природы гипнотическим умом, часто себя ловил на мысли, что некоторые вещи, происходящие с ним, либо уже когда-то происходили, но не с ним, либо произойдут. И когда это случалось, то Ёсиф придавал этому событию особый смысл, он начинал не находить себе места, все время искал какой-то потаенный смысл и пребывал в легкой задумчивости. В эти моменты он был похож на поэта, сочиняющего поэму. И чем больше он об этом думал, тем больше погружался в себя. И тогда с ним начинали происходить совсем нереальные вещи, если не сказать – фантастические. Иногда, прохаживаясь по комнате от одного угла комнаты к другому, он вдруг замечал, что уже не передвигает ноги по полу, а, левитируя, попросту перемещается по комнате, как бы паря над полом, при этом ноги продолжали совершать пошаговые движения. Или вот, например, смотря на стену, выкрашенную зеленой краской или обтянутую зеленым бархатом, он замечал, что может видеть то, что находится за ней. Она попросту растворялась перед глазами. Но только если стена была зеленой или синей. Дру-

гие цвета были непроницаемы для его взгляда. Вот и в этот день, прохаживаясь по номеру отеля «Ледоруб» взад-вперед, он и не заметил, как стал парить над уровнем пола. Более того, стены номера были выкрашены сине-зеленой краской, приготовленной на основе медного купороса, что придавало номеру немного жутковатый вид, хотя издали напоминало ему его кабинет в столице, который был обтянут зеленой фланелевой тканью и обит темно-коричневым дубом, имеющим зеленоватый отлив и придающий всему этому великолепию эффект бильярдного стола, пришпандоренного к стене. Так вот, стены номера стали постепенно растворяться, пока не исчезли совсем. И вот чудо, Ёсиф в какой-то момент вдруг понял, что покинул пределы отеля и парит над городом. Пролетев южный Койокан, он влетел в многомиллионный Мехико. Красота, открывшаяся его взору, поразила бы даже искушенных путешественников. Он медленно пролетел над пирамидой Ацтеков, подлетел к зданию госпиталя Хесуса Насарено. Дальше продвигался к центру по небу, и под ним оказалась одна из ярких достопримечательностей Мехико – известнейшая часовня Саграрио Метрополитано, за ней следовал замок Чапультепек, и в довершение всей экскурсии – базилика Святой Девы Гваделупской – великое сооружение, являющееся главной святыней для католических жителей Мехико и всей страны. Но так как Ёсиф был правым ленинистом, должного эстетического удовлетворения он не получил ни от храмов в стиле барокко, ни от пирамид. «То

ли дело у нас, в столице храмы и базилики, – подумал он, – все выстроены из чисто-золотого мрамора, который добывают только на Урале, в предгорьях Малахитовой гряды. Все выполнены в строгих ленинских очертаниях в старорусском конструктивизме, стиле, основанном первыми ленинистами, которые прибыли в землю славянскую с далеких италийских берегов еще в первом веке нашей эры». Сделав еще несколько пролетов вокруг города, Ёсиф приземлился на центральной площади Сокало. Тысячи зевак при виде такого чуда попадали ниц и стали молиться, простирая руки к небу. Это опять ему что-то напомнило, что-то из далекого прошлого или будущего, но т. к. Ёсиф стоял недвижим и взгляд его не упирался в зеленое, то с ним ничего и не происходило. Постояв так минут пять-семь, он стал пробиваться сквозь ряды, стоящих на коленях и молящихся на него людей, пока в конце концов не вырвался из окружающей его массы. «Да, – подумал он, – дикий народец, индейцы одним словом, им не дано видеть дальше собственного носа, простого русского Ёсю Сталена приняли за пришествие». Однако возбужденное самолюбие продолжало будоражить воспаленный мозг Ёсифа. Окончательно придя в себя после пережитого, он поправил свою солнцезащитную шляпу, достал сигару, закурил и направился пешком в сторону отеля «Ледоруб».

Стален

Городок Стален затерялся в таежной части Центральной Сибири. С одной стороны – непроходимая тайга и болота, с другой стороны – горы, тянущиеся от Уральской Малахитовой гряды и до Дальневосточных окраин страны, окружали город. Эти края слыли достаточно суровыми для проживания. Летом тридцатиградусная жара, лесные пожары, смог и комары. Сибирские комары – это отдельная история города под крепким названием Стален. Они вездесущи, надоедливы и ужасно кровожадны. Не щадят никого в округе, даже самих себя. Притом внутренняя вертикаль власти любого роя устроена таким образом, что, чем меньше комар, тем злее и наглее его поведение. К примеру, живет такой рой в болотах притока реки Шушь, а управляет всем роем такой маленький-премаленький гаденыш, условно назовем его Моська. Так вот этот Моська не щадит никого, ни коров, ни свиней, ни людей, терроризируя весь болотный край тайги. И рой этого гаденыша нападает с кровососущим интересом даже на рой, проживающий где-нибудь в близлежащем болоте, причем мелкие сосут кровь у тех, что покрупнее, да так рьяно, что порой один рой высасывает всю кровь у другого, поработав остальных выживших комаров и их потомство. Так происходит естественный отбор в этом комарином царстве. Притом на смену одному Моське приходит другой, и исто-

рия повторяется. Поэтому город Стален закрепил за собой славу комариной столицы Сибири. Зима же в город приносит безусловное облегчение от лета, ни комаров тебе, ни жары. Однако и здесь не все так сладко. Морозы под тридцать пять, почти полярная ночь, свет появляется в шесть утра и то за пеленой светонепроницаемых облаков, а пополудни наступает глубокий вечер. В домах зажигают лучины, отчего имеют черные от смога потолки, а некоторые от того, что лучины имеют свойство догорать в самый неподходящий момент, сгорают дотла. Так и стоит зимой Стален весь белоснежный с черными прогарами домов по краям улиц. Но народ все равно рождается, обживает, строит новые дома. Некоторые ссыльные после освобождения оседают здесь, заводят семьи, работают на сталелитейном заводе. От него и пошло название города. Еще полвека назад известный купец Григорий Распутник по приказу царя Николая был назначен губернатором Шушенской губернии. В состав которой тогда входил безымянный город, именуемый народом Моска из-за огромного количества проживающих в окружающих его болотах комаров, деревня Шушенк, позже переданная в управления царской жандармерии по исполнению наказаний и впоследствии принявшая статус ссылки, и река Шушь со всеми ее притоками. Царь наказал Распутнику провести масштабную реорганизацию губернии с целью повышения прожиточного минимума населения и привлечения среднеазиатских инвестиций в города Сибири и Дальнего Востока. Григорий с

особым энтузиазмом взялся за претворение царского указа в губернии, тем более что доселе ему, Грише Распутнику, разрешалось только развлекать детей царя да барышень высокого происхождения учить вышивке. Сам-то он выучился вышивать у своей матушки, будучи еще отроком. Вечерами, когда вся ребятня собиралась у костра, пересказывать друг другу анекдоты и истории, услышанные от взрослых, Гриша оставался дома, подсаживался поближе к маме и смотрел: смотрел, как та ловко управлялась с иглой и ниткой и как умело она вышивала разноцветные узоры на льняном отрезе сукна. Так и постиг смысленый отрок искусство вышивки, тайком создавая причудливые узоры на выкраденном из маминого сундука отрезе.

Прибыв в Москву, Григорий первым делом собрал городской совет и выпытал у местного управления, чем промышляет рядовой житель города. И, к его удивлению, понял, что основная часть населения занимается промыслом землеустройства. А проще говоря, уходит в горы с котомкой еды, а через два дня возвращается с этой же котомкой, доверху забитой кусками земли. И все бы ничего, да вот раз в сезон приезжает в город «узкоглазый ковчег», как его прозвали местные. На подводах оного, полно всякой всячины. Чай зеленый, чай черный, водка самой дешевой пробы, орехи, пряности, соленья, керосин, мыло, сапоги, портки, косоворотки, рукавицы, похожие на наши, только, с указательным пальцем непременно в отдельности, и еще много чего, необходимого

для бытия-жития. И обменивает всю эту крашено-штопаную утварь у местного населения на мешки с кусками землицы нашей. Поразмыслив над сутью происходящего, Распутник нашел самого смышленного землекусовика и под закусточку с водочкой выведал у него, зачем это лицам китайской национальности земляца наша понадобилась.

– Да што вы, Григорий Батькович, уж и в самом-то деле не знаете? – осведомился землекусовик. – Да у них там, на Китайщине, заводы стоят по обжигу нашей земли, они из нее железо плавят, а из оногo мастерят лопаты, кирки, самовары, всякую всячину, нам для делу и разного рода хозяйству нужную.

По природе своей Гриша был достаточно смышлен, чтоб сразу сообразить, накой ему тут оставаться. С первым же посыльным выслал он царю подробное исследование края и всей губернии. Изложил в нем, что так, мол, и так, дескать, нечего кормить этих узкоглазых земляцей нашей. Что самим впору заложить в Моске завод по выплавке железа, а по сему он, царь, «должон» выделить ему, Гришке, из казны царевой, пятьдесят тыщ рублей золотом на постройку. Мол, и народу работа найдется, и инвестиции в край пойдут, да хоть от этих же лиц китайской национальности, иль от других, благо на границах с Сибирью много разного люда проживает. Царь Николай, тоже был не дурак, да и Распутник ему в столице не нужен, надоел пуще пареной репы, уж больно часто стали барышни жаловаться на Григория за руки его шаловливые.

Преподает Распутник вышивку, а сам то и дело каждую проходящую мимо него девицу непременно ущипнет за ягодицу, и ладно бы так, невзначай, а то еще и с присказкой: «Проходи, красавица, а коль нравица, приходи я справица». Устал царь от пошлости Распутника, от его бесстыдства. Детишки царевы тоже стали разные мудреные речи произносить. Вроде того:

«Не сидеть царю на месте, завязались яйца вместе».

Невдомёк им, малым, что царь-то этот – их батюшка. Дал ему пятьдесят тыщ под честное слово. Выстроил Гриша в Моске завод, понаприглашал иностранных инженеров со всего свету, узкоглазые тоже к нему потянулись, и завертелось колесо коммерческого предприятия Григория Распутника, купца первой категории. Ну а когда выплавили первую «сталь», так ее называли заморские инженеры, встал вопрос, под какой маркой эту сталь продавать на Китайщину. Тут-то и проявился еще один незаурядный талант Распутника. На общем собрании сталелитейщиков, так они стали именовать себя после землекусковиков, Григорий, взяв в руки небольшой кусок металла и выйдя с ним на трибуну, произнес историческую речь. Выставив на вытянутой руке кусок железа, он сказал:

– Товарищи, вот и настал знаменательный момент для каждого из нас. Еще несколько лет назад вы держали в руках кусок... – тут Григорий поперхнулся и закашлялся, – кусок земли, а теперь я держу сталь. С первым сталеным вас,

дорогие мои, – он сказал это естественно и непринужденно, как будто уже тысячи раз говорил подобные речи для народа. Никто на тот момент не понял, какое значение он вложил в слово «сталеным». Может, он имел в виду «С первым Сталелитейным вас», а может, «С первой сталью Вас» никто так и не узнал, но всем понравилось, и они стали скандировать: – Сталеным! Сталеным! Сталеным! Поэтому сначала завод называли Стален. Так прямо и написали на первой проходной: «Завод Обработки Стали Огнем “Стален”», сокращенно «ЗОСОС». А впоследствии и город стали именовать Стален.

* * *

После двух часов безостановочного рассказа Надежде о своем побеге из Шушенка, Ёсиф замолчал. Подвода медленно, скрипя правым колесом, вкатилась в город Стален. Мозг Нади плавился от ухабистой дороги, палящего солнца и бесперебойного хвастовства Ёсифа, о его встрече с самим Лениным, об указующем персте, о великом предназначении. Она никак не могла понять, отчего этот сумасбродный грузин, да к тому же из другого сословия, так много значил для нее. Она, дочь генерала, губернатора Тифлиса, выпускница Института благородных девиц, птица высокого полета, – и он, убийца, вор, малограмотный грузин с тремя классами церковно-приходской школы. Она еще раз взглянула на Ёси-

фа. Властный профиль горца возбуждал ее. Тут тебе и усы, густые черные, и взгляд не то птицы, не то волка, и брови раскидистые навзлет, и подбородок с ямочкой. И крепкие молодецкие руки, в которых она тает от вожделения, когда Ёсиф берет ее. Весь набор ловеласа. А еще этот гипнотический дар, ну кто может сравниться с ним? С ее Ёсей. Он самый смелый, пусть и убийца, он самый сильный, пусть и вор, он самый любимый, пусть и каторжник. Это ради него она, учительница с высшим образованием, бросилась во все тяжкие. Ради него стала рисковать свободой и жизнью. И она почувствовала себя абсолютно счастливой, потому что поняла свое предназначение. Любить и быть любимой, это и есть счастье, и не важно, кто он, бандит или губернатор, главное – быть. Ее мысли улетели далеко в детство. Она вспомнила отца и свою маму. Как все были счастливы вместе. Отец ее, Константин Пупский, был сослан на службу в Тифлис указом царя из столицы. До этого он служил в полку царевой охраны, и ничего не предвещало беды, но полк вдруг залихорадило всякими декабристскими настроениями, и его расформировали. Папе достался Тифлис. Они с мамой жили в полном согласии и достатке. Отец исправно ходил на службу, получал приличное жалованье, что позволяло всей семье баловать себя частыми празднествами да застольями, матушка ходила к модисткам и по случаю нового веселья надевала новый наряд, а маленькая Надя занималась с гувернантками разными науками и усердствовала в пении. Еще, по

праздникам, они всей семьей выезжали на ипподром, смотреть бега. Там всегда играл оркестр, а площадь у входа утопала в разноцветии мишуры и воздушных шаров, и Наденьке все казалось таким красочным и ярким, как это бывает у детей ее возраста. Ей покупали мороженое и леденцы, все приветствовали ее родителей поклоном, и самые известные люди того времени непременно старались лично поздороваться с ее отцом. Вечером все собирались в их губернаторском дворце, где мама, вся искрившаяся от счастья и в новых платьях, давала званый ужин, на который допускались особы, приближенные к семье. Среди оных можно было заметить и поэта Евсея Сенина, с женой Дуней Кан, футуриста Владлена Маковского с четой Грик, композитора Питера Чуковского в компании поручика с непроизносимой фамилией Ржаканевский и многих других известных особ, коих Надя уже, конечно, не припомнит. Все семейство светилось от счастья и источало саму добродетель. И когда Надюше исполнился четырнадцатый год, родители определили ее в Институт благородных девиц. Надежда еще раз покосилась на своего возлюбленного. Ёся продолжал зависать в своем, только ему понятном, мире. А подвода тем временем докатилась до местного привоза.

– Тпруу! – прокричал возница. – Слазьте, господа хорошие, приехали.

Надежда спрыгнула с подводы, одернула Ёсю, достала из нагрудника два гривенника, расплатилась с возницей и, взяв

под руку своего грузина, растворилась в толчее базара.

Привоз Сталена являлся самым популярным и многолюдным местом города, а также и очень криминализированным. Здесь то и дело шныряли беспризорники, старающиеся умыкнуть все, что лежало на прилавках, карманники разных мастей, от щипачей до виртуозов-фокусников, и высшая масть криминалитета – рэкетеры. Эти ничего не воровали, а приучили местных торговцев платить им дань за то, что они их не трогали. А тем, кто противился, палили их торговые лавки, били до изнеможения, и даже был случай, когда одного особо ретивого торговца задушили и вывезли в тайгу. Об этом весь Стален знал. Но жандармы закрывали на их злодеяния глаза, рэкетеры сами платили начальнику жандармерии, да так, что тот сумел выстроить себе дворец, коих в Сталене не видали доселе. Надежда с Ёсифом прошлись по торговым рядам, прикупили Ёсе брюки-трубы, рубаху-косоворотку, туфли приличного состояния и шляпу с широкими полями. В ближайшем переулке грузин переоделся. Подошел к фонтанчику для питья воды, отпил из него жадными глотками, намочил руки, и отработанным движением пригладил волосы назад.

– Ёся, ты шикарен! – воскликнула Надя. – Ты такой красивый, милый. Прямо не меньше, купец или чиновник первого ранга.

– Надя, ты у меня тоже очень красивая, – парировал Ёсиф. – Какой же я купец, я джигит. Хотя для конспирации

лучше походить на купца, нежели на джигита.

– Ладно, пойдем на вокзал, а то можем на паровоз не успеть, нам еще надо документы тебе выправить, билеты купить и тормозок³ с собой взять.

– А как это ты собираешься документы выправить? – осведомился Ёся.

– Есть у меня один человечек на вокзале. Я когда ехала из Тифлиса в Шушенк, в дороге познакомилась с художником, соседом по вагону. Вот он мне и говорит, ты, Надежда, помни, что есть у тебя в Сталене друг, большой друг, всемогущий, надо денег – нарисуем, надо документы справить – нарисуем, и адресок оставил. На привокзальной площади трудится, портреты рисует всем желающим, но это для конспирации.

– Да, Надюха, эка ты у меня умная и продуманная, и везде-то у тебя все по полочкам, да по планчику, што б я без тебя делал.

– Не дрейфь, грузин, мы с тобой еще такого наворотим, вся страна о нас говорить будет, – сказала она это с таким воодушевлением, что у Ёсифа даже усы передернулись. И взяв его под руку, устремилась в сторону привокзальной площади. Дойдя до площади, она с точностью картографа определила месторасположение художника и со скоростью лани, таща за собой Ёсю, оказалась около творца. Мастер кисти

---

³ Тормозок (разг.) – еда, которую берут с собой на работу, учебу или в дорогу; также пакет, мешок или другая емкость для такой еды.

и угля пребывал в состоянии блаженства, сидя в полукруглом кресле и закрыв глаза, он курил трубку, выпуская крутые клубы дыма.

– Здравствуй, Константин Иванович! – воскликнула Наденька.

– Наденька! – поприветствовал ее художник. – Как я рад, а я все время о вас помнил, я вот даже несколько портретов ваших нарисовал. – И художник достал из планшета два портрета. Первым в недоумение пришел Ёсиф. У него даже задрожали веки, прикрывая и открывая злые глаза джигита. На первом портрете Надя сидела у окна вагона и смотрела в него, на дальнем плане картины золотилось поле подсолнухов, слегка склонившееся под тяжестью зрелых цветов. Все выглядело прилично. А вот второй портрет был выполнен в рубенсовской эстетике, где Надя представала в обнаженном виде, возлежащая на скамье этого же вагона, и то же окно и то же поле с подсолнухами, ее тело было прописано с тщательностью знатока женской плоти, и более того – знатока Надиных родинок. Надежда, поняв всю сложность ситуации, решила разрядить обстановку и стала рьяно критиковать данное полотно. Дескать, у нее талия тоньше и грудь поменьше, а что касается остального, так это совсем не от нее. Но ситуация работала не в ее пользу, Ёсиф уже схватил маэстро за грудки и встряхнул его что было силы. Голова художника завертелась, как юла, затряслась, как у кобылы грива при галопе.

– Ёсиф! – закричала Надежда. – Перестань сейчас же. В конце концов это художник и как творческая единица имеет свое видение женского начала, ты же его покалечишь, если не хуже. Я прошу тебя, милый, – перешла она на ласковые нотки, это же всего-то картина, да еще и не имеющая никакой культурной ценности. После этих слов джигит отпустил своего визави и усадил его в кресло. Параллельно сим действиям ловким движением вырвал у художника трубку и вставил ее себе в зубы, сжав их от злости до ощущаемого скрежета. Это выглядело так естественно, будто Ёсиф всю жизнь ее держал во рту. Шляпа, трубка, усы, рубаха-косоворотка, брюки и туфли явили законченный образ будущего гегемона, будущей Страны Советов.

– Извини, – с трудом выдавил из себя Ёсиф.

– Наденька, это вы меня простите, я ж не знал что вы замужем за этим... – художник небрежно кивнул в сторону грузина, – ...молодым пижоном.

Ёся опять обуглил глаза.

– Нет. Нет простите. Я не хотел вас обидеть, конечно же, не пижоном, а красавцем-джигитом, – льстиво продолжил творец. – Разрешите представиться, Айвазов Константин Иванович, – он учтиво протянул руку в приветствии к Ёсифу.

– А это мой Ёсиф, – разряжая ситуацию, вставила Надя. – Ёсиф Виссарионов сын. Мой близкий друг, не муж, но близкий. Константин Иванович, вы уж простите его за вспыльчи-

вость, он у меня институтов не заканчивал, а по сему в искусстве не петрит, не отесан парубок. Ренессанс эпохи Возрождения не учил и пейзаж от этюда не отличит.

Ёсиф даже не понял, на каком это они иностранном языке общаются, но для пущей важности все-таки нахмурил брови, чем создал и без того грозный, но вдумчивый вид, с трубкой в зубах.

– Ну что вы, Наденька, я все понимаю. Любовь зла... – заговорщицки подмигнул художник. – С чем пожаловали, к нам в Стален? Что, Шушенк понравилась?

– Да, Константин Иванович, пожилы мы с Ёсей в деревне. Ничего себе деревенька, только края эти не по мне, суровы. Вот теперь решили в столицу перебраться. Да вот оказия, пока ехали на подводе, документы потеряли Ёсифа, так я, памятуя о том разговоре в дороге, и пришла к вам.

– Ого, а у нас тут, знаете, с утра жандармы снуют туда-сюда, беглого ссыльного ищут, сбежал он с болот речных, с Шуши. Как вы говорите фамильице-то ваша? – Айвазов пристально посмотрел на Ёсифа. От столь пронзительного взгляда джигит затушевался и закашлялся, вынимая трубку из зубов.

– Ёсиф я, Виссарионович, – заикаясь, выпалил он. А фамилия моя... – повисла немая пауза, и Ёсиф мысленно стал искать подходящую навскидку фамилию, но стоя перед этой творческой натурой, ничего интересного в голову не лезло. – Стален. Да. Да, Стален, – он величаво вставил трубку меж

зубов и выдохнул дым. Гордо вскинув голову вверх, он посмотрел на привокзальные часы.

– Ага, стало быть Ёсиф Виссарионович Стален. Как город наш Стален. Так и вы?

– Да, – строго ответил грузин.

– Хорошо, Наденька, посидите в кафе у вокзала, а через полчаса я вас окликну. Справлю я вам мандат сей, – ответил Константин Иванович и почесал грязными от угля пальцами у виска. – А, как насчет грошей, обладаете таковыми? Дело то хлопотное.

– Насчет денежек не беспокойтесь, дружок, цену назовите, – Надежда учтиво похлопала творца по плечу.

– Осьмнадцать рубликов, золотом, – ответил коммерсант с вокзала.

– Ого, а не дороговато будет, Константин Иваныч? – понизив тон, парировала Надя.

– Так документики настоящие будут. Ни одна сцука не отличит, – вдруг перешел на жаргончик Айвазов.

– Ладно, господин оформитель, оформляйте путевку в жизнь молодому дарованию с Тифлиса, – согласилась Надя. И пристукнув каблучками, увлекла Ёсифа в сторону кафе. Через полчаса ожидания художник Айвазов свистом позвал парочку к себе и вручил им заветную ксиву. Поблагодарив его, парочка тот час же устремилась к кассам вокзала и, приобретя на нижние скамейки билеты в вагоне общего класса, вышла на перрон ожидать паровоз. Вокруг сновали торгов-

цы разной утварью и грузчики, простой люд смиренно стоял у черты, обозначающей конец перрона и не позволяющей послушным гражданам переступить ее, и только железнодорожник то и дело оглушал пронзительным свистом, отпугивая беспризорников от достопочтенных граждан. У привокзального торговца с лотка Надя купила пирожков с разнообразной начинкой, от яблочной до капустной, компота из груш и сливы, замотала все это в косынку и аккуратно сложила в котомку.

Кукуруза

Подойдя к отелю «Ледоруб», Стален поднял голову и еще раз посмотрел на исполин, стоящий перед входом. Снизу этот памятник высокого достижения мексиканского церетелизма выглядел еще более зловещим, чем из окна номера Ёсифа, к тому же шляпа, венчающая сие изваяние, закрывала практически все лучи солнца, положенные для освещения входа, отчего последний выглядел словно вход в пещеру. Зайдя внутрь, Ёсиф подошел к портье и осведомился о скульпторе данного произведения искусства.

– Sembla per a mi, Senyor, aquesta primerenca el Salvador Dalí, – четко, отчеканил молодой мексиканец.

– Нада же Салвадор, – с удивлением произнес Стален. – Ни за что бы, не пАдумал. Бывал я ФигурЭсэ⁴ в начале века, захаживал в гости к маэстро, пЫл с ним чаю, да и покрепче чего, Абсент, занимательная зАраза. Однако это, – Ёсиф пальцем указал в сторону выхода, – никакой абсент не оправдает.

При слове «абсент», портье заметно оживился и, заговорщически подмигнув Сталену, выпалил на чисто славянском наречии:

– Знаете ли, господин хороший, тут, в Мексике, есть кое-

---

⁴ Фигерас (Фигерес; кат. Figueres, исп. Figueras) – город в Каталонии, Испания; столица округа Альт-Эмпорда провинции Херона.

что покрепче любого абсента, и я могу это достать, – он снова подмигнул.

– Ты что, пацан, по-славянски гАвАрить умеешь, вот те на, и здесЯ наши, – Стален вопросительно посмотрел на портье. – Что, гАворишь, есть, нЭпонял?

– Да этот есть, пейота, я тут уже четвертый год работаю, сам-то я с Украины прибыл, через Португалию, на перекладных. Так вот, говорю, понял я, что самый важный кактус в жизни любого индейца, это он – пейота, – ответил портье.

– Стоп, что тИ несешь, какой индеец, какой пейота, ничего не пойму, тИ о чем? – возмутился Ёся.

– Да вы вот сказали, что с Сальвадором пили абсент, я читал тут в газетах местных, что абсент вызывает галлюцинации у тех, кто его пьет, и творит чудеса в голове человека.

– Ну, нЭ знаю, что тИ там чЫтал, а у менЭ все одно, что абсент, что водка, я к этому дЭлу не охочь, – Ёсиф постучал двумя пальцами по горлу и для убедительности приоткрыл рот. При этом из горла вырвалась мелодия, отдаленно напоминающая композицию, которую таперы часто играли на сеансах немого кино, а все пьющие отстукивали пальцами на приоткрытом горле.

– Ха. Я знаю эту песню, – от радости воскликнул портье. – Это Воздушная кукуруза.

– Ты чо, малый, того, – Стален пальцем покрутил у виска, – совсЭм тут от жары рассудком тронулся? Ти чо мелИшь, какая ещО кукуруза, оголодал на чужбине, уже укра-

инская кукуруза мерещится. Я ни как не пАйму, тебя эмигранца! Я до этого довела, али сам свихнулся.

– Нет, вы меня не поняли. Кукуруза – это мелодия, ну да пёс с ней, я про кактус, это, знаете ли, такой кактус, который дает человеку свободу птицы и разум Ленина. Сразу все начинаешь видеть – от песчинки до всей нашей необъятной небесной канцелярии, вроде как Лениным становишься, сам всем можешь управлять. Хочешь – реку повернешь вспять, а хочешь – сквозь гору пройдешь, все подвластно становится, – оправдался украинец.

Стален приподнял в сторону повествующего голову, его зрачки заметно расширились, и усы слегка приподнялись над верхней губой. Ему было знакомо это чувство, с ним это происходило и раньше, но только спонтанно, и он не умел этим управлять. А тут этот кактус. Перед ним стали открываться иллюзии будущего, как он, Ёсиф Стален, гегемон революции, великий кормчий народа, повелевает судьбами людей Страны Советов и сам указывает им, собственным перстом, путь истинный. Да это то великое оружие, которого ему не хватало все эти годы в борьбе против контрреволюции, да чего уж там греха таить, и в общении с Надей. Ей он никогда не осмеливался перечить, так как понимал, что на его месте мог быть кто угодно. Надя всегда сама выбирала посты для партийных деятелей, и если бы не его отношения с ней, то мог бы он, малообразованный грузин, пусть и с особым даром проточеловека, обладать таким важным постом в партии

и быть министром. Нет. Но теперь он, а не Надя будет указывать, что делать и как, он, Ёсиф Стален, великий и могучий. Он стал лихорадочно перебирать в своей голове разные варианты развития событий и последствия применения кактуса для собственного возвеличивания. Зрачки Ёсифа уже совсем поменяли свои орбиты и бессистемно стали вращаться в горизонтальной плоскости, ноги на несколько сантиметров оторвались от паркета, и он готов был растворить портье, т. к. форма персонала отеля была выполнена в строгих традициях конкистадоров и отличалась исключительным зеленым цветом. Но украинец не заметил аморфных изменений и одернул Сталена за рукав.

– С вами все в порядке, уважаемый господин? – осведомился он.

– Да, да, все в порядке, – практически без акцента ответил Ёсиф. – Надо мне твой кактус, парень. Надо. Много надо.

– А много не надо, он долго не хранится, через сутки – все, пропал, можно выбрасывать, скисает сцука.

Последнее слово прозвучало по-настоящему близко для Сталена, он тоже именно так говорил его, вставляя букву «ц», что придавало нежную окраску грубому утверждению. Это еще в ссылке он научился. Там все его так произносили, чтобы не обижать предмет осуждения.

– А сколько? – осведомился Ёсиф.

– Сто песо⁵, – радостно ответил портье. – За кактус. Есть

---

⁵ Песо (*исп.* peso – буквально «вес», «фунт», от *лат.* pensum пенсум – «взве-

надо вчетвером, съешь один, усомнишься, есть ли ты вообще. Так что вы скиньтесь с кем-нибудь, на четверых, и ешьте на здоровье, кактус режешь на четыре части, жуешь и запи-ваешь водой и ждешь. Ждешь, пока не поймешь, что ты уже Ленин.

– Цены у вас, конечно, товарищ. Не социалистические, но приемлемые. Ладно, подумаю, с кем придумать, а ты сам-то, что?

– Что, что? – в унисон спросил украинец.

– Ну, готов быть вторым? – без промедления ответил Ёсиф.

– Готов, всегда готов! – пробарабанил портье. Моменталь-но Сталена осенило, что фраза «Готов, всегда готов» что-то напоминает ему, надо взять ее на заметку, подумал он, в жизни пригодится.

– Ну, хорошо, дАрАгой друг, – с явным акцентом заметил Стален, – я к вам еще обращусь, возможнА даже сегодня. Стален достал платок из правого нагрудного кармана, вытер капельки пота, выступившие от жары на лбу, по-военному повернулся в сторону лестницы и устремился вверх.

шенный») – серебряная монета средневековой Испании и её колоний, а также название ряда денежных единиц некоторых государств – бывших испанских колоний: Аргентины, Доминиканской Республики, Колумбии, Кубы, Мексики, Филиппин, Чили, Уругвая.

Поднявшись в номер, он запер дверь на ключ. Зашторил окна темно-зелеными портьерами, включил вентилятор и настольный свет и, сев за кабинет, взял трубку телефонного аппарата.

– Барышня, – произнес тихо Ёсиф, – соедините меня со стАлицей, с председателем литклуба «Лубянка-Андеграунд» тАварищем Джежинским.

– Соединяю, – ответила телефонистка. Заработал коммутатор, в трубке стали слышны потрескивания электронных реле и голоса девушек.

– Джежинский на проводе, – прозвучало на том конце трубки.

– Не Ари в трубу, это я, Ёся, – по-военному произнес Стален. – Слушай меня, Филя, тут в Мексике есТ кактус, который индеец местный ест, и эта штука, дАрагой, очень нам полезна для партийной работы. Только у него одна проблЭма, он скисает наутро и есТ его нельзя. Понял?

Естественно, что Филя толком ничего не понял из несвязного рассказа. Но зная нрав Сталена, покорно промычал, что все понял.

– Ну, если полезно для партии, то и для народа сгодится, а мы его, Ёсиф Виссарионович, законсервируем или засолим и под водочку будем есть, – с выражением научного открытия

отрапортовал Джежинский.

– Вот тИ баран, Филя, тебЭ б только консервЫровать да солить, башку себе засоли, может, через век умнее будет. Его свежИм есТ надо. Ти мЭне учёного вышли в Мексику, который сможет этот кактус в стАлице мне растить, што бы в совхозе или в парниках его было место, а не в Мексике. С ней мы потом отдельно разберемся, нужен им кактус или нет, – прошептал в трубку Стален.

– А, это мы можем, товарищ Стален, есть тут у нас один кукурузник Никита Хвощов. Ой, до чего ж смЫшленный малый. У него эта кукуруза даже в тайге растет.

«Опять кукуруза, – подумал Стален, – прям наваждение какое-то». – Не вАздушная ли кукуруза у этого ХвАщова растет? – спросил Ёсиф. – Мне уже сИгодня одЫн умник про нее песни пел. Мол, есть одна такая кукуруза, вАздушная, не то песня, не то мелодия. Ладно, мЭне это ни к чему. Давай высылай его срочно, твоего Хващова, пАсмотрим, што он за фрукт.

– Слушаюсь, Ёсиф Виссарионович. Первым же рейсом отправлю. А я тут в командировочку собираюсь, Надежда Константиновна велит ехать к царю-батюшке, в Ё-бург, с детишками его надобно поближе познакомиться да погутарить, что б отечество наше спасали через батюшку своего. Декрет, стало быть, исполнять обязать, – пролепетал Филя.

Но Стален его уже не слушал, ему не до царя было. Он опять погрузился в воспоминания тех дней, когда он бежал

с Надей из Шушенка, когда они в паровозе встретили этого олуха Джежинского, и как они задумали повернуть историю государства в свою, ими выдуманную историю.

Знакомство с Джежинским

Паровоз подкатил на перрон точно по расписанию, вокзал ожил и стал напоминать огромный муравейник, находящийся в броуновском движении, со снующими грузчиками, пассажирами, провожающими и просто празднично шатающимися отдельными элементами. Однако во всей той хаотичной неразберихе был свой порядок, вагоны заполнялись пассажирами, чемоданы и тюки устраивались на полки повыше, и перрон постепенно пустел. Надя с Ёсифом прошли в свой вагон, заняли нижние полки, развернули одеяла и прилегли друг напротив друга. День выдался не самый лучший, и усталость давала о себе знать. Паровоз засвистел паром и, продернув весь состав, медленно покотился по рельсам. Выбивая ритм барабанщика, стук колес убаюкивающе действовал на Ёсю. Он прикрыл глаза и засопел сном младенца. Ему снился Тифлис, горы и как он, словно орел, парит над ними. Надя достала из котомки книгу известного немецкого философа Маркса Энгельса «Утопическая теория мира во всем мире» и прочла предисловие. «В данном труде представлены философские умозаключения нашего с вами современника, доктора ортодоксальных учений, профессора Рейхстагского университета Дружбы народов им. Адольфа Плюра, лауреата премии Мира, Ученого с большой буквы, господина Маркса Энгельса. Здесь он предстает нам в новой грани филосо-

фа. На страницах данного фолианта вы найдете практические инструкции к реализации плана по достижению мира во всем мире, возникновению нового строя реформаторов сего мира, изменению существующего порядка и мироустройства. Многолетний опыт изучения трудов основателя Рейхстагского университета в Берлине, Адольфа Плюра, известного нам по философскому течению «Моя баба», где Адольф предрекает баланс мирового соотношения мужчин и женщин в усилении последних и приравнивает их жизнь с живущими вечно индийскими бабами⁶, позволили Марксу Энгельсу создать собственное философское течение, которое в последствии получило громкое имя «Плюрализм марксизма-энгельсизма». Редакция не несет ответственности за призывы, описанные в данном труде, призывающие к свержению монархии и тем самым разжигающие межконфессиональные конфликты на почве марксизма-энгельсизма, и не разделяет существующего положения вещей в данной интерпретации об отмене законов морали для низов. Мы всего лишь цитируем великих мира сего». Она перелистнула страницу и принялась читать утопию. Вся книга была пронизана откровенным призывом к революции с применением в качестве оружия цветов. И почему-то упор делался на розы, конечно, гвоздики тоже упоминались, но в контексте, как дополнение к розам. Розы же считались самыми подходящими для рево-

---

⁶ Баба́ (*хинди* – «отец») – уважительный титул старых учителей в Иране и Пакистане и йогов в Индии.

люции цветами, поскольку в них были шипы, а ими можно легко поранить оппозиционера. И тем самым вывести весь противоборствующий контингент враждебных элементов из парламента республики. А захватив власть, начать насаждать розы в прямом и переносном смысле. Чтение доставляло Наде удовольствие, она с детства читала все подряд, от беллетристики до серьезных романических произведений таких мастеров, как Булков и Тонкой. Последний прославился романом в две тысячи страниц «Поймай пир», о похождениях поручика Ржажаневского, друга Питера Чуковски, дебошира-ловеласа, по светским мероприятиям столицы. Где поручик то и дело вляпывается во всевозможные нелепые истории. Роман имел такой успех, что имя поручика стало нарицательным, и уже сам народ сочинял истории про Ржажаневского. Но в этот раз Надежда впервые в жизни почувствовала страх и трепет перед книгой Маркса Энгельса. Она в одночасье поняла, что ее бунтарский характер, как и в случае с родителями, опять устремляется к достижению равновесия. Она ощутила всю боль славянского народа, прочувствовала ее внутри себя, открыла свой системный ум для новых свершений и заглянула в светлое будущее. Она, Надежда Константиновна Пупская, и никто другой не лишит той безнравственной и рабской жизни низы и не приведет страну к светлому будущему. У нее в голове стало тепло и ясно, и она ощутила блаженство, она вдруг осознала свое предназначение в этой жизни, если не сказать – предзнаменование.

И Надя почувствовала себя счастливей, чем тогда, на подводе. Ёся, конечно, счастье, но он же и несчастье, да и что такое Ёся, когда такое место ей, Надежде Пупской, отведено в истории. И Надя твердо решила, что, когда проснется вновь испеченный Стален, она обязательно ему расскажет о своих планах на будущее. И не страшно, что они пока не смогут пожениться, ничего, свадьба подождет, и пока она не сможет иметь детей, дети тоже подождут, главное – есть идея и свет в конце тоннеля, а значит, есть к чему стремиться. Так, пребывая в тихом блаженстве и мечтая о светлом будущем, Надя не заметила, как к ней подсел долговязый парень лет 25 с худощавым лицом и козлиной бородкой. Руки его профессионально проскользнули в Надину котомку и стали в ней перебирать пирожки. Руки искали денег, а деньги Надя хранила в нагруднике, чем и спасала свои сбережения от разного вида карманников. Не найдя ничего, долговязый привстал, и в этот момент паровоз проскрипел и присвистнув качнулся, и долговязый вломился своей маленькой головкой в верхнюю полку, да так, что невольно закричал от неожиданности. Надежда моментально очнулась от мыслей, посмотрела на долговязого, потом на развязанную котомку, ее системный ум все сопоставил, и она что есть силы заорала:

– Ё-ё-ся, гра-а-а-б-я-я-ят!

Ёсиф стремглав, еще не открывая глаз, вскочил на ноги и очутился перед грудью долговязого. В один миг открыв глаза и оценив ситуацию, Ёся выхватил заточку из кармана брюк

и воткнул ее долговязому в пах. От неистовой боли тот заорал, как резаный тюлень, и присел на Надину полку, скорчившись буквой «зю». Весь честной люд устремил свои взоры на тройку.

– Ты чё, сцука, у бедных граждан последнее тыришь, да я тебя, кобель непрощенный, в порошок сотру, – Стален занес над ним волосатый кулак правосудия.

– Нет, нет! – от безысходности завопил раненый. – Я голоден и есть хотел, – продолжал ныть он. – А у вас такой запах из котомки исходил, вот я и не удержался.

Его глаза источали саму жалость, а тело походило на скелет для изучения анатомии человека, щеки впали и прилипли к челюсти, и если б не козлиная борода, то Ёся подумал бы, что это египетская мумия перед ним. Вдобавок его руки прижимали причинное место, и от этого он совсем походил на кокон с торчащей из него головой. К тому же он неистово стонал. Ёсиф опустил кулак.

– Перестань ныть, как баба, на вот, вытри свои мудя да залей их водкой, – Стален протянул грязный носовой платок и, задрав штанину, вытащил небольшой графинчик водки. Надя вопросительно посмотрела на Ёсю.

– Да эт я, Надь, в кафе притырил, дорога длинная, вот я и подумал. Авось сгодится, вот и сгодилась, – оправдываясь сказал Ёсиф. – Притырил, значит, я его кормлю, пирожки ему покупаю, компот. А он водку тырит, тюрьма твой дом, а не столица, посмотрите, какой орел, скотина ты, понял, – в

сердцах ответила Надя. Долговязый замолк, голос этой женщины и учительский тон произвели на него впечатление и гипнотическое воздействие. С такой женщиной не пропадешь, она и защитит, и накормит, и обласкает, и обогреет, подумал он, а этот и впрямь скотина. Долговязый обмакнул платок в водку, расстегнул штаны и с силой прижал руками пах. Народ после перепалки Надежды с Ёсифом, быстро потерял интерес к происходящему и уже не глазел в их сторону, а неспешно покачивался на своих полках в такт колесам паровоза.

– Ты, конечно, Надежда, хотя и баба, но слова говоришь обидные, я что, шарамыга какой-то, я тебя сейчас спасал от этого скелета, а ты? И не нужна мне эта водка, – виновато парировал Ёсиф. – Хочешь, забирай ее себе, – он предложил водку долговязому.

– Мне, не-е, – протяжно застонал тот. – Нет, мне водки не надо. Мне бы пожрать чего, а водки не надо.

– А чё тебе надо? Чё тебе вообще здесь надо было, чё ты к нам со своим самоваром вломился? – налетел на него Ёсиф, снимая внутреннее напряжение.

– Мне ничё не надо, – испуганно залепетал долговязый. – Можно я пойду? – и он, корчась от боли, стал привставать.

– Сиде-е-ть! – заорал Стален. Пассажиры вновь оглянулись в сторону троицы. Ёсиф одной рукой указал долговязому на место, а другой – пассажирам, что б отвернулись. Пассажиры отвернулись. Долговязый присел, держа обе руки в

паху. По вагону тянуло водкой.

– Просто так, сцука, ты от меня не уйдешь, от меня еще никто не уходил, ты мне все расскажешь, что, где и как, – сжимая кулаки, протараторил Стален.

– Все, Ёся, ты мне надоел, хватит орать и драться, ты сам сядь и успокойся, может, человека прижало, знаешь, голод не тетка, – вмешалась Надя.

– А ты, плюгавый, что руки свои греешь в чужих котомках? – обратилась она к неудавшемуся вору. – Вот и напоролся на пику грузина, так что пеняй на себя, Ничего, до свадьбы заживет, аха-ха! – присвистнула Надя. – На вот тебе пирожок. – И она достала пирожок, только что обмусоленный руками воришки. Увидев пирожок, долговязый сглотнул слюну, забыл про боль и вцепился в пирожок. Жадными и рваными укусами съел его в три захода, вытаращив невозмутимые глаза на Надю.

– Однако. Смотри, Ёсиф, он совсем оголодал, а ты его чуть не зарезал, – она снова достала пирожок и протянула долговязому. Он снова жадно съел второй пирожок и запил поставленным перед ним компотом. Прожевав все, он заговорил:

– Позвольте представиться. Потомственный дворянин, сын учителя гимназии Фил Джежинский. Сейчас скитаюсь, по поездкам вору. Но получается плохо, потому и худой. Кличка на перегоне «Астроном», видимо, из-за роста, дети на перронах постоянно кричат «Дяденька, достань звездоч-

ку», вот и прозвали меня так. Окончил польскую гимназию, после сбежал от правосудия, предъявили за сестру. Якобы я ее пристрелил, но я не стрелял, ее мой братец завалил, а я помладше его, вот и взял все на себя.

– Маладец, джигит, извини, что погорячился, – с акцентом вставил Стален. – Продолжай, дАрогой, складно излагаешь.

– А что продолжать-то, я вам все в принципе рассказал, а можно мне еще пирожка? – он вопрошающе посмотрел на Надю.

– Да. Надюха, дай ему, дай, Пусть ест, мои тоже дай, а я водки выпью, – Ёсиф протянул руку к графину. И тут же получил удар ладонью по рукам от Пупской.

– Остынь, грузин, я сама знаю, кому давать, а кому наподдавать, – строго приказала Надежда и достала пирожок. – На-ка держи, Филя, может, и немного у нас провиданса, но мы люди нежадные. Надежда Константиновна Пупская, дворянка по роду, – гордо представилась она, вскинув вверх голову и пригладив вьющиеся каштановые волосы, – А это мой близкий, Ёсиф Стален, тоже в какой-то степени дворянин, с детства во дворе рос, ха-ха-ха.

– Полно тебе, Надюха, – обидевшись, засмутился Стален. – Все в этом паровозе едины, что дворяне, что миряне. А ты сколько по перегонам скитаешься? – осведомился Ёся.

– Годков пять будет, но все надоело, хочу уехать в столицу, там, говорят, жизнь настоящая, сытая и богатая. Только пока

вот все собираюсь, но никак не доеду, – простонал Филя.

– Вы, Фил, странный человек, вы сами для себя решите, нужна вам эта столица, или вы всю жизнь по перегонам скитаться будете, – сказала Надя. – Мы с Ёсифом точно едем.

– Да нам терять нечего, – добавил Ёсиф, – я решил начать новую жизнь, как с чистого листа. Приеду в столицу, пойду учиться, вы вон какие ученые, а мне все самому постигать приходится.

– Молодец, Ёсиф, а что ж ты мне раньше, в Шушенке, об этом не говорил, что-то тебя там учеба не интересовала. Я же учительница, я б тебе преподавала, – съязвила Надя.

– Надюха, ну, понимаешь, не до того мне было, не до науки, план я там вынашивал один, позже расскажу, видение мне было, – парировал Ёся.

– Знаю я твои видения, как что-то заметишь женское, так и виснешь в своем видении, небось и дело твое касалось баб или что связанного с ними, – ответила она.

– Нет, Надежда, не права ты в этот раз, я там, в ссылке, пообщался с кем надо и открыл в себе третий глаз. Сейчас ничего говорить не буду, позже. Слушай, Фил, а поехали с нами, нам ученые пригодятся, я это понял, что вы все, грамотеи, много чего нам безграмотным дать можете, – и он рукой вцепился в грудь Надежды.

– Дурак ты, Ёся, и уши холодные, – убирая руку, сказала Надя. – Да, Фил, поехали с нами в столицу, приедем, обустроимся, у меня тетя там живет, присмотримся к столице и

решим, что будем делать.

Долговязый окончательно забыл про свою боль и нарисовал себе мысленную картину. Как он во фраке, и непременно с Надеждой, в ресторации, при свечах, пьет мадеру и целует ее руки. Дальше фантазии его на этом оборвались, и он соглашательски кивнул головой и добавил:

– Я согласен, вы мне сразу понравились, проникся я к вам, вы хорошие и добрые люди. С такими, как вы, можно, – протянул навстречу Сталену окровавленную руку для пожатия.

Стален брезгливо отстранился.

– Я, Фил, тоже согласен, нормальный ты пацан, а что худоват, так в столице мы тебя откормим, – убирая руки в карманы, согласился Стален.

– Ну, все решили, один за всех, и все за одного, – подытожила Надя. И вся троица по очереди с горла графинчика отпила водки.

Первая встреча с Троцкиным

Очнувшись в кресле, Стален осознал, что в раздумьях и воспоминаниях он и не заметил, как заснул и проспал около получаса. Сказывалась усталость. С ним, после подобных экспериментов с левитацией, такое случалось часто. И всегда по одному сценарию, он садился в кресло и засыпал, через полчаса просыпался, и голова обновлялась. Он достал из секретера трубку, насыпал табаку и закурил. Клубы дыма и терпкий запах древесины заполнили номер. Он любил курить, эта привычка пришла к нему незаметно, сначала он просто держал трубку меж зубов, ну а потом стал забивать табачку и покуривать, так и втянулся. Он курил смачно, глубоко вдыхая дым и с приятным наслаждением выпуская его на свободу. И настолько сроднился с этой привычкой, что все газеты, критикующие Страну Советов и его руководство, неизбежно изображали Ёсифа только с трубкой. Трубка мира, как ее называл сам Стален, стала неотъемлемой визитной карточкой гегемона. И когда проходили встречи на высшем уровне и все рассаживались за круглым столом переговоров, Стален доставал свою знаменитую трубку, подсыпал табачку, раскуривал и передавал ее по кругу. Это стало обязательным ритуалом при проведении встреч. И после того как трубка, сделав круг, возвращалась к ее владельцу, Стален начинал переговорный процесс. Он вставал, держа в од-

ной руке трубку, а вторую держа в кармане брюк, и производил:

– Ну что, уважаемые, покурили, вот и славно. Теперь мы можем приступить к внешним вопросам. Если кто недокурил, не стесняйтесь, спрашивайте, я еще могу забить. Без трубки мира ни один вопрос не решить. У меня есть стойкое убеждение, что совместное курение при внешних встречах располагает к дружественному общению и помогает понять друг друга, исключая то недопонимание, которое возникает при употреблении напитков, содержащих алкоголь. Более того, алкоголь разобщает народы и губит связи. В моей стране, Стране Советов, с момента ее основания существует сухой закон. И взгляните, мой народ счастлив, трудолюбив, и доброжелателен. Ему не знакомы такие понятия, как депрессия, стресс, гнев и бессовестность. Так вот, уважаемые товарищи, примите в дар от нашей страны по курительному набору. – Затем всем присутствующим на переговорах девушки в спортивных купальниках, идеально облегающих красивые тела, приносили в подарок по курительному набору, выполненному в резной технике сибирских резчиков березы и украшенному кристаллами, ограненными на предприятиях ювелирного мастера Данилы Скварцовски, который заслужил уважение верхушки правящей партии тем, что сумел первым в Стране Советов подвергнуть огранке обычное стекло и довел качество продукции до невиданных высот ювелирного мастерства. Даже жены правителей не гну-

шались украшать себя стекляшками. Церемония заканчивалась новой обкуркой круглого стола, после чего всем присутствующим предлагали чай и сладости. Таким образом руководство страны располагало империалистические делегации к более откровенному диалогу. Что позволяло только что народившемуся новому строю и молодой республике занимать ведущую роль во внешней политике мира.

Докурив трубку, Ёсиф медленно встал из-за стола, достал из бокового кармана турбийон⁷ работы Бреге, посмотрел на время, убедился в их точности, сравнил с показаниями стальных часов. Положил их обратно и вышел из номера. Пройдя мимо назойливого портье и минуя ледоизваяние, он снова очутился в городе. Стояла тридцативосьмиградусная жара. Город плавился на солнцепеке. Всевозможные торговые лавки предлагали туристам и горожанам свежавыжатые соки, прохладительные напитки, семечки. Стален решил, что погорячился, выйдя на улицу в костюме и с трубкой. Он вернулся, проскользнув мимо портье, и переоделся. На нем были шлепанцы, шорты и хлопковая рубашка-гавайка, а вместо трубки в руке он держал сигару. Он настолько преобра-

---

⁷ Для компенсации притяжения Земли Бреге в 1795 году изобрел, а в 1801 запатентовал – турбийон (*фр.* tourbillon – вихрь). Турбийон состоит из баланса, анкерной вилки и анкерного колеса, расположенных на специальной вращающейся площадке (наиболее часто встречающаяся скорость вращения: 1 оборот в минуту). Это один из самых сложных и дорогих дополнительных механизмов. Точность хода часов с турбийоном составляет: $-1/+2$ сек. в сутки. Часто турбийон делают видимым через окошко в циферблате.

зился, что, встретить его сейчас, Надежда подумала бы, что перед ней мексиканский мачо. Пройдя по затененной стороне одной из улиц города, он свернул в незнакомый переулок и твердым шагом устремился по нему вперед. Пройдя метров сто вглубь, он остановился, достал из кармана рубахи инструкцию, написанную самой Надеждой Пупской, определил номер дома и, взойдя по ступенькам вверх один этаж, три раза постучал. Выдержав паузу в две секунды, он повторил стук. Дверь отворилась, и дуновением сквозняка из глубины комнаты до него донеслось «входите». Ёсиф осторожно отодвинул занавес, висящий сразу после входной двери, и ступил внутрь. Квартира была устроена по всем мексиканским традициям, холл отсутствовал, посреди комнаты стоял обеденный стол, который окружали шесть стульев, задвинутые под него. На столе стояла ваза с фруктами, и графин воды со стаканом, и полевые цветы. Справа у стены расположился комод с шестью огромными выдвижными ящиками, над которым висело огромное зеркало, а слева у стены стояли два дивана, друг напротив друга, видимо предназначенные для вечерних бесед в кругу семьи. В конце комнаты стояли два кресла, повернутые сидушками к балкону, между ними находился журнально-кофейный столик и за одним из кресел находился человек. Ёсиф это понял по торчащей из-за спинки кресла макушки Льва. Мексиканским окликом «Ола, Лев!» он поприветствовал друга. Лев, в свою очередь, интеллигентно и учтиво, приподнявшись с кресла, кивком головы

ответил на приветствие и жестом руки пригласил Сталена в кресло. Друзья обменялись рукопожатиями.

– Что, старина? Где остановился? Как Надежда? – картавя, спросил Троцкий.

Это был маленький щедушный человек, с худощавым лицом, на котором красовались пышные усы, глаза его были прищурены и источали явную обеспокоенность ситуацией. Троцкий знал о приезде Сталена в город. Местные газеты после полетов Сталена над городом запестрели заголовками о пришествии и сошествии на землю мессии, и только Лев Троцкий знал истинную картину дел. Только он был посвящен в странную особенность гегемона. Поэтому, когда он услышал стук в свою дверь, он без сомнений догадался о пришествии к нему Ёсифа. Троцкий тоже обладал незаурядными способностями. И не только талантливого оратора и организатора, но и человека, обладающего древним искусством телекинеза⁸. Это позволяло ему, Льву, ограничивать тактильные контакты с членами партии и по возможности исключить принципы панибратских поцелуев при встречах на международном уровне. Он стал вроде серого кардинала для дела революции. Его идея террора и пороха стала находить все больше сподвижников. Поэтому, во избежание неконтролируемых последствий его мыслей, Надеждой

---

⁸ Телекинэз (греч. τῆλε и κίνησις, буквально: «движение на расстоянии»), или психокинэз (греч. ψυχή – «душа», «сердце», «дыхание»; κίνησις) – термин, которым в парапсихологии принято обозначать способность человека одним только усилием мысли оказывать воздействие на физические объекты.

Пупской было принято решение отстранить Льва от дел. И Троцкий был вынужден покинуть страну и скрыться в Мексике. Это был тот случай, когда расстояние имеет значение. Остаться на евразийском материке было опасно. Вот он и поселился в тихом предместье Мехико, Койокане. Вообще знакомство с этой женщиной принесло ему только несчастье. Он вынужден был развестись с семьей. Троцкий, как и все мужчины революции, был влюблен в Надю. И не мог никак понять, почему Стален удостоился ее благосклонности, а он, Лев Троцкий, главный идеолог воплощения ее амбиций, нет. Почему после ссылки его в Мехико он довольствовался нечастыми звонками Нади, которые ограничивались расспросами о жизни, состоянии дел, здоровье и т. п. Но осознание того, что она опять позвонит, удерживало его от неконтролируемых глупостей. А самое главное, Лев четко понимал, что настанет его звездный час и Пупская призовет его в столицу, только он мог решить неразрешимое. Одного он не мог пока для себя понять, почему сам Стален приехал в Мексику, почему именно его послала Надя в Койокан. Он внутренне сжался, словно пружина, и насторожился.

Ёсиф учтиво присел в кресло и достал сигару. Он несколько раз прочитал инструкцию Нади и ясно представлял себе будущий ход переговоров.

– Хочу тебя успокоить, Лев, Надежда наша в порядке, мы ее все лелеем. В особенности я, – по-славянски ответил Стален. – Страну лихорадит, и с этим надо что-то делать. И что-

то умеешь ты, а что-то и мы. Главное, вместе определить гидру контрреволюции и вовремя отсечь ей голову.

– Да, Ёсиф, ты совсем не изменился, вот только акцент твой куда-то пропал, странно, очень странно. Иногда у меня такое ощущение, что я говорю не со Сталеным, а с другим человеком, как это у тебя получается? – спросил Лев.

– Я и сам не знаю, временами у меня жуткий акцент, а временами чистый славянский, но это мне не мешает совсем. Да что мы обо мне-то все, ты-то как? Поди, скучаешь по Стране нашей, – Ёсиф ввернул первую фразу из инструкции и даже удивился своей шпионской выучке и четкому следованию инструкции.

– Я, дорогой друг, скучаю не только по стране и по вам с Надей скучаю, – лукаво произнес Троцкий.

– А скажи мне, Лёва, желаешь ли ты, вернуться в свой родной прайд. Так сказать, в логово нашей революции, и оставить чужбину навеки, – следуя инструкции, спросил его Стален. Разговор строился по нужному для Ёсифа сценарию, и он расслабленно закурил сигару. Клубы едкого сигарного дыма окутали комнату. Тщедушный Лев закашлялся и стал махать рукой перед собой, разгоняя дым. Стален, не обращая внимания на телодвижения собеседника, продолжил.

– Ну а коль так, то что тебя держит, собирай свои манатки и айда со мной в стАлицу, помощь твоя нам нужна, ТОлант твой Араторский необходимо привлечь для борьбы с контрой.

– Ух, и быстр ты, Ёсь, и акцентик у тебя опять проявился, не волнуйся ты так, я сам понимаю, что без страны мне здесь долго не протянуть, но мне необходимо все взвесить и обдумать. Столь ответственный шаг впопыхах не совершают. Здесь я уже шестой год, и за это время у меня появились друзья и соратники, ученики-сподвижники, и женщина у меня есть, а это, Ёся, в нашем с тобой возрасте, немаловажно, – продолжая отмахивать дым, произнес Троцкий.

– Ого, эка ты, братец, и махнул. А что ж молчал, почему не говорил, что бабу себе завел. Если в деле замешана баба, то не быть добру, – Стален почесал затылок.

– Ну, во-первых, не баба, как ты выразился, а женщина, и она мексиканка, и она мне очень нравится, и попрошу не называть ее так. Это ты у себя в столице называй, как хочешь, а здешние дамочки привыкли, что их уважают. Во-вторых, она не в деле. И, в-третьих, Надя, как тебе известно, тоже женщина, и вон какую делюгу сделала, – Лев помахал в потолок указательным пальцем.

– Ладно, ладно извини. Что-то я не подумал, что ты у нас интеллигент. Но Надя же голова, это даже не женщина, – разговор отошел от инструкции, и Ёся начал теряться, как вести себя с этим Львом. Он втянул в легкие побольше дыма, чтобы сосредоточиться, и что было силы выпустил его. Комната погрузилась в пелену тумана. Он и сам не ожидал такого поворота, а когда выдохнул, то увидел, что ничего не видит, туман полностью застил комнату. Стален инстинктивно

стал махать руками, пытаясь разогнать дымовую завесу. Когда дым рассеялся, кресло, на котором сидел Лев, было пустым, окно перед ним было открыто, и дым медленно улетал в него. На долю секунды ему показалось, что Лев вместе с дымом улетал в неизвестность окна. «Бред, – подумал Ёся, – он же не джинн, он Лев. Мистика, телекинез, не иначе». Только он закончил свою мысль, как в затененной части комнаты, напротив зеркала, дым самоорганизовался и образовал в воздухе еле уловимую надпись: «Я подумаю и сообщу». План переговоров был сорван. Стален вышел в переулочек и направился в сторону отеля «Ледоруб».

Троцкий

Лев Давидович Троцкий родился в семье Давида Троцкого, когда у того уже было четверо детей. Семья еле-еле сводила концы с концами, и рождение пятого ребенка не входило в планы Давида. Поэтому семья решила, что, если выживет, то тому и быть. Назовут Лев, в честь царя зверей. И Лев оказался живуч и выжил. Мама Льва, Анна Троцкина, в девичестве Животноводова, происходила из древнего хутора животноводов, близ села Яновка Херсонской губернии, там и жила. Анна любила всех своих детей, но в неравной степени. Старшие дети были любимы больше, чем меньшие, потому что могли работать для семьи, тем самым принося больше пользы для жития Троцкиных. Младшие даже мешали развитию животноводства хутора, покуда отвлекали на себя часть рабочего времени. Семья держала свиньей и имела свой свинарник. А это было обременением для многодетной семьи. С раннего утра, с первой звездой, отец семейства будил старших, и они всей бригадой шли в свинарник, резали свиней, грузили туши на подводу, и матушка отправлялась на привоз Херсона торговать ими. От вырученных денег покупала крупу, сахар, молоко и диетическое мясо индейки для всей семьи. Все это повторялось изо дня в день. Таким образом, это и позволяло семье Троцкиных выживать в сложных экономических условиях. Село Яновка славилось

своими животноводческими хуторами, и мясо с них пользовалось у зажиточных жителей Херсона высокой репутацией. Лев рос маленьким и тщедушным, еда в семье распределялась по старшинству, что позволяло старшим больше есть и быстрее расти, а младшим меньше и меньше. И если Лев, от природы обладающий чувством повышенной справедливости, пытался возразить, то обязательно получал подзатыльник. Поэтому маленькому Льву доставалось от всех понемногу. Но благодаря постоянному чувству голода и явной несправедливости, маленький Лев выработал в себе качество на расстоянии отнимать еду. Стоило ему только подумать, что он хочет сильно съесть ложку каши, как ложка сама опускалась в кашу и, набрав необходимое количество пищи, устремлялась в рот к Троцкину. Делал он это незаметно для всех, пока матушка возилась с братьями и сестрами, моя им руки перед едой. Так он впервые узнал о своей способности мысленно перемещать предметы в пространстве. О телекинезе. И позже, когда Лев пошел постигать науку в училище Св. Павла в Одессе, он частенько использовал телекинез в личных целях. По окончании училища Троцкий устроился работать в типографию своего кузена, где вступил в кружок идеологии марксизма-энгельсизма. Вся структура организации таких кружков была описана в труде Маркса Энгельса «Утопическая теория мира во всем мире». И вся прогрессивно мыслящая молодежь по всей стране строила кружки, где изучалась теория идеологии марксизма-энгель-

сизма. Члены кружка имели собственные клички. Троцкий тоже. Соратники звали его *Перо.*, подчеркивая тем самым связь Льва с типографией. Именно с этого времени Лев стал воспитывать в себе льва, готового броситься в гущу борьбы за справедливость. Однако за участие в незаконных кружках дважды был сослан на каторгу. А в начале девятисотых был лишен всех гражданских прав. Вот тогда и проявилось чувство явной несправедливости в Троцкином увлечении. И он на основе учения марксизма-энгельсизма создает собственное течение – троцкинизм. В двух словах которое, можно изложить так.

Троцкий формулирует теорию, ставшую затем известной как теория перманентной революции. Эту теорию можно назвать одной из основных отличительных черт троцкинизма от других течений, ведущих свою политическую генеалогию от марксизма-энгельсизма. Одним из важнейших элементов теории перманентной революции является теория комбинированного развития. До девятисотых годов марксисты-энгельсисты рассматривали возможность осуществления социалистической революции только в развитых капиталистических странах. Согласно Троцкину в относительно развитых странах, таких как Страна Советов, – в которых совсем недавно начался процесс индустриализации и развития пролетариата, – возможно было совершить социалистическую революцию ввиду исторической неспособности буржуазии

осуществить буржуазно-демократические требования.

При этом пролетариат не сможет осуществить социалистическую революцию, не заручившись поддержкой многомиллионного крестьянства. Установив свою власть, диктатуру, пролетариат должен будет приступить к доведению до конца аграрных преобразований. Другими словами, диктатура пролетариата станет орудием разрешения задач исторически запоздалой буржуазной революции. В дальнейшем пролетариат вынужден будет производить все более глубокие вторжения в отношения частной собственности вообще, то есть переходить на путь социалистических мероприятий. Однако установление диктатуры пролетариата в Стране не означает, что Страна способна к переходу к социализму.

Доведя до совершенства свою теорию, Троцкий создаст международную организацию Коммунистического интернационала, сокращенно КомИнтерн. И становится во главе нее. Империалисты всего света, в одночасье, почувствовали угрозу, исходящую из Страны Советов и ответили ей своей теорией заговора НАДО (Новосветская Антитроцкина Доктрина). Однако Троцкина это только подстегивает к активным действиям, и он продолжает активно внедрять свою идеологию в неокрепшие умы молодежи Одессы. Позже от столичных КомИнтерновцев получает предложение переехать в столицу, тем более что к этому времени Троцкий уже оброс международными связями и организациями,

готовыми по первому зову Лёвы выложить несметные деньги на дело революции. И понимая это, Троцкий перебирается в столицу. Налаживает связь с местным КомИнтерном и становится во главе его. Параллельно Лев, используя свои ораторские способности, проводит определенную идеологию среди финансовых воротил города, и те соглашаются принимать на счета своих банков иностранные деньги и аккумулировать их в одном центре. В Центробанке. Так Лев создает подпольную сеть финансирования будущей революции. До встречи с Надей и Сталеным его разделяли путь от Столицы до Сибири и несколько месяцев плодотворного титанического труда на благо будущего Страны.

Один за всех, и все за одного

Паровоз медленно подкатил к перрону Николаевского вокзала столицы и, загудев паровым свистком, выпустил остаточный пар и замер. Вся честная компания, собрав свои пожитки, вышла в город. Моросил дождь и дул сильный ветер. Надежда почувствовала, как тысячи мелких иголок прокалывают ее щеки. Волосы то и дело, взметались вверх и ниспадали вниз с частотой порывов ветра. Стален поднял руки к небу и прочитал исповедь о снисхождении Ленина к ним. Но Ленин не слышал его причитаний. Джежинский пытался своим призрачным телосложением защитить Надю от ветра и старался все время угадать его направление, перемещаясь то вправо, то влево.

– Перестань мельтешить, Филя, Ёся, хватит причитать, мальчики пойдемте, – смягчая интонацию, прикрикнула на них Пупская.

И вся троица устремилась вперед к светлому будущему.

Тетя Надежды жила на набережной реки Фонтан, недалеко от Государственной сберегательной кассы. Прибыв на место, троица бесцеремонно ворвалась в размеренную жизнь родственницы Пупской и разместились в выделенной им комнате в ее пятикомнатной квартире. Тетя Пупской считалась женщиной зажиточной по столичным меркам. И тетей ее можно было назвать с натяжкой. Это была женщина

в полном расцвете сил, бальзаковского возраста, с пышными формами и крупной попой. На Украине про таких говорят: «Визьмешь в руки – маешь вэщь». Овдовев пять лет назад, она получила в наследство от мужа-генерала пятикомнатную квартиру, загородный домик на берегу Финского залива, близ Кронштадта⁹, и фаэтон из двух кобыл с подземным денником в доме напротив реки Фонтан. Там же и жил возница. И еще – часть жалованья мужа в виде пенсии, выплачиваемой ей пожизненно. После смерти мужа она горевала месяц-другой, а затем стала вести роскошный образ жизни, благо пенсия позволяла. Она ездила по самым модным ресторациям, одевалась у лучших столичных модисток, крутила романы с юнцами-юнкерами и никогда не унывала. Ее звонкий смех доносился со всех увеселительных заведений города, и непременно при ней был молодой камер-юнкер с бутылкой шампанского наготове. Так она и жила беззаботно и весело, и ничего не предвещало перемен, пока на пороге не появилась Надя и два ее беспризорных друга. По-другому она их назвать и не смела.

Надежда приехала в полдень, позвонила в механический звонок, покрутив барашек звонка по часовой стрелке. Тетя решила, что случился пожар, потому как еще спала, по-

---

⁹ Кроншта́дт (от нем. Krone – корона и Stadt – город) – город-порт, расположенный на острове Котлине и прилегающих к нему более мелких островах Финского залива.

сле вчерашнего бала в доме генерала Безобразова, что на Сенной. И только такой оглушительный звонок мог предвещать что-то неопределенное. Приоткрыв глаза, она открыла дверь и удалилась в свою спальню, пальцем указывая место размещения, непрошеным гостям. Пока троица разбиралась, что к чему, она окончательно проснулась, умылась холодной водой, накинула полупрозрачный пеньюар и вышла во всей красе к своей племяннице. Ёсиф моментально завис в ступоре, глаза грузина стали наливаться багровыми реками, нижняя губа устремилась вниз, и по бороде стала скатываться слюна. Заметив метаморфозы, происходящие с возлюбленным, Надя легким движением руки поддала затрецину грузину. Да так, что губа, с характерным для нее звуком, сомкнулась, и слюна окончательно упала на пол.

– Не обращай внимания, тетя, он дикий, – оправдываясь, сказала Пупская.

– А это кто? – брезгливо осведомилась та.

– Это мой близкий друг Ёсиф Стален, я тебе о нем писала из Шушенки, и наш новый знакомый – дворянин Фил Джежинский, – указала рукой на Джежинского Надежда. Джежинский взял руку тети и, пригнувшись, поцеловал ее. Тетя хотела было одернуть ее, но воспитание, полученное до замужества, не позволило ей этого сделать.

– Я поняла, это твои друзья, значит. М-да, ты всегда отличалась у нас своеобразным вкусом, что и доказывает сие, – презрительно подытожила она. – И надолго ты в наши края?

– Я думаю, что да. Мы решили строить новую жизнь, и не только для себя, но и для тебя, тетя, для народа и для рабочего класса. Будем строить новый мир во всем мире, для всех людей, – с энтузиастом молодой бунтарки сказала Надя.

– Ну-с, меня моя жизнь вполне устраивает, и мне кажется, что не тем ты увлеклась, Надежда, все эти мальчишки неформальной внешности до хорошего не доведут. Помнишь старую славянскую поговорку «Лучше книжку прочесть, чем с мальчишкой зажечь»? Ты, кстати, сейчас читаешь? Ты же так любила читать. – спросила тетя.

– Ой, тетя, вы меня совсем застыдили. Я, тетя, читаю и нахожу это дело занимательным, вот смотри, – и Надя достала Маркса Энгельса.

– О, ужас! Я так и знала, это сейчас, – она замялась в задумчивости, – бестселлер, я правильно выразилась? Сейчас вся столица читает этого немецкого идеолога. Я вообще сначала думала, что это два разных человека, пока меня один юнкер не просветил. Так и сказал: «Дорогая, никому и нигде, никогда не говори, что это два человека. Засмеют. Сейчас это самый читаемый и цитируемый автор Европы, его тиражи доходят до отметки в триста тысяч экземпляров. Лучше почитай его сама». И при следующей нашей встрече вручил мне этот фолиант.

– Ну, ты прочитала? – спросила Надежда.

– Ты что, Надь, я всякую ересь не читаю, вон в уборной лежит, я им разжигаю камин, когда холодает, ну-с и когда

перебои с бумагой используют по назначению.

Надя пропустила сказанное мимо ушей и велела Ёсифу разместить весь скарб, привезенный из Шушенка, в дальней комнате, а также омыться в ванной и приготовиться к ужину. По пути следования к тете вся троица заглянула в продуктовую лавку и купила все необходимое для ужина. Утку, яблоки, мадеры две бутылки, чернослив, шампанского, орехи и халвы к чаю. Пока молодые принимали ванну и приводили себя в должный вид, тетя позвала соседку Клавдию Ивановну помочь ей по хозяйству. Она часто прибегала к помощи Клавдии Ивановны, поскольку сама хозяйство вести не умела, готовить тоже. При муже в доме всегда была собственная экономка, которая очень нравилась генералу и которая успевала следить за всем хозяйством, но после смерти ее как ветром сдуло, не смогла она оставаться без генерала. А тетя потихоньку стала приглашать соседку помогать ей, да та и втянулась и охотно откликалась на тетины просьбы. Клавдия Ивановна первым делом нашпиговала утку яблоками и черносливом и поставила ее в печь, нарезала буженины, достала из своих засолов огурчики и помидорчики, добавила на блюдо квашеной капусты с черемшой и выставила все на стол. Тетя принесла канделябры со свечами, водрузив рядом с капустой, зажгла их. Стол отсервировали столовым серебром и поставили хрустальные бокалы, по краям стола выставили мадеру и шампанское. Троица, приняв по очереди ванну, собралась к ужину. Надя по случаю встречи с родственни-

цей надела платье, подаренное папой на восемнадцатилетие, выполненное в традиционной манере одежды для гимназисток Института благородных девиц. Это было строгое платье атональной расцветки, напоминающей цвет какао, с подолом ниже колен, под самое горло, с рукавами на три четверти и с белым жабо на груди. На талии сзади был завязан бант белого цвета, что придавало Надежде вид прилежной ученицы. Ёсиф надел то же самое, в чем приехал, т. к. другого не имел. Джежинский выискал в своей котомке шорты, прикрывающие коленки, добавил к ним гольфы доходящие до оных, туфли с заостренными носами, а наверх надел блузон, чем то напоминающий женский, с рюшечками на уровне горла, подстриг козлотородку, чем стал походить на художника. Тетя своим нарядом поразила даже видавшую виды Надю. Волосы были завиты и распущены, локоны ниспадали до плеч, и у височной части был приколот алюминиевый зашипованный зажим с вплетенными в него декоративными розами. Платье жемчужного цвета имело огромное декольте, достигающее крайней части груди, едва сдерживая ее от выпадения, на груди висело ожерелье из перламутрового жемчуга, с камеей императрицы Екатерины. Руки ее были прикрыты гипюровыми перчатками, доходившими до локтей. Ёсиф при виде тети опять завис, пока не получил очередную затрещину от Нади.

– Прошу к столу, – пригласила гостей тетя. – Отужинаем, дорогие мои, Слава Ленину, Слава, – запричитала она.

Все одновременно присели за стол. Ёся, со сноровкой вол-

ка, вцепился одной лапой в утку, другой уже цеплял буженину. Длилось это долю секунды, но и этого времени хватило, чтобы отломать у утки ногу и засунуть кусок буженины в рот. Но продолжить трапезу он не успел. Надежда со скоростью рыси стремительно отсекла одним ударом ладоши руку Ёси от ноги, и буженина во рту Ёси затряслась, придавая ему вид спринтера, пробежавшего стометровку за шесть секунд, с вываленным наружу языком.

– Ёсиф, – строго прикрикнула Надя, – где твои манеры, ты что, в бараке? Сядь, я за тобой поухаживаю. Разлейтека лучше дамам шампанское, а вам мадеру.

– А мне можно шампанского? – осторожно спросил Джежинский.

– Нет, – отрезала Надя. – Шампанского мало, пейте мадеру, вам же все равно, а мы с тетей природы тонкие, пьем исключительно шампанское.

Началась вечеря. Ёся заправски управлялся с бутылками, Джежинский тостовал, а дамы, как и положено, щебетали о своем. О женском. Через час, напившись и наевшись, вся развеселая компания решила прогуляться по набережной реки Фонтан и вразвалочку вывалилась во двор. Морозящий дождик стих, и только небольшие лужицы напоминали о нем. Ветер поменял направление и превратился в легкий бриз, дующий с реки. Пахло свежестью приближающейся осени. Веселая компания повернула от двора вправо и направилась в сторону Государственной сберегательной кассы.

Ёсиф шел первым, временами перебивая щебечущих дам частыми расспросами о том или ином доме, или государственном учреждении, расположенном вдоль набережной, а Джежинский послушно волочился последним. Пройдя метров пятьсот, компания остановилась у центрального входа в Сберегательную кассу. Вывеска перед входом гласила: «Государственная сберегательная касса № 1 Монетного двора его величества Николая». Алкоголь взбудоражил кровь внутри грузина. Ёсиф вспомнил свои тифлиские похождения. Криминальные мысли вместе с дуновением ветра влетели в его сумасбродную голову. Он посмотрел на Надю, потом перевел взгляд на Филю, потом снова на Надю. Они встретились взглядами. Надя без слов уловила мысль Ёсифа, это был сеанс гипнотической связи влюбленных, который она не раз с ним испытывала. В эти моменты Надя становилась бессильной и не могла противопоставить мораль аморали Сталена. И он этим пользовался. Ёсиф взял Надю за руку, не отрывая от нее взгляда, подошел к тете, которая тоже попала под гипнотические чары Ёсифа через родственную связь с Надей, и легким движением руки вытащил виньетку из ее волос. Джежинский, успев к этому времени окончательно опьянеть, что-то бормотал невнятное о пользе мадеры для развития человеческого самосознания и производил глубоко гортанные звуки, похожие на позывы отрыжки. Ёсиф же наоборот обрел ясный ум и отличное видение перспективы. Он с поразительной ловкостью оказался возле основного замка парад-

ной двери сберкассы и отточенным движением руки вставил заколку-виньетку внутрь. Раздался щелчок, другой, и дверь в мир денег была открыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.